

Трофимович Т.Г. – заведующая кафедрой белорусского и русского языкознания Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, доктор филологических наук, доцент

Полещук Н.В. – заведующая отделом истории белорусского языка Института языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы ЦИБКЯЛ НАН Беларуси, кандидат филологических наук, доцент

УДК 81-112:[811.161.3+811.161.1]

***Аннотация.** В современном языкознании проблемы сравнительно-исторической стилистики практически не разработаны. Имеются отдельные исследования, характеризующие стиль тех или иных древнерусских, старорусских или старобелорусских памятников правовой письменности. В статье предпринимается попытка установить характерные особенности стиля старобелорусской и старорусской деловой письменности, определить роль этих особенностей в оформлении стилистической дифференциации белорусского и русского языков.*

***Annotation.** Problems of comparative historical stylistics are practically have not been developed in the modern linguistics. Some studies characterizing the style of those or other ancient Russian, old Russian or old Belarusian monuments of legal writing are exist. Article devoted to defining of distinctive features of old Russian and old Belarusian business writing style, to identify the role of these features in the establishment of stylistic differentiation of Belarusian and Russian.*

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ШТУДИИ: К ИЗУЧЕНИЮ СТИЛЯ СТАРОРУССКОЙ И СТРОБЕЛОРУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В современном историческом языкознании *актуальными* являются исследования стилистической направленности. Их актуальность определяется вниманием лингвистов к тому, как функционировал язык в прошлом, как с точки зрения стиля были организованы древние тексты, как в недрах древних языков происходили процессы, приведшие впоследствии к оформлению стилистической дифференциации самостоятельных литературных восточнославянских языков.

Подобные исследования ставят перед собой различные *цели*, одна из которых – установить характерные особенности стиля старобелорусской и старорусской правовой письменности и определить место и роль этих особенностей в оформлении стилистической дифференциации белорусского и русского языков.

В истории русского и белорусского литературных языков период XV – XVII вв. принято называть соответственно старорусским и старобелорусским. Закончившийся к концу XIV в. распад древнерусского языка привел к формированию самостоятельных восточнославянских языков, которые в традиционной лингвистической терминологии называются старорусским, староукраинским и старобелорусским. Начинается самостоятельная история указанных языков, поскольку именно к этому времени относится развитие централизованного Московского государства и Великого Княжества Литовского, складываются исторические условия для возникновения трех братских народностей – русской, украинской и белорусской [1, с.78; 9, с. 91].

В старорусский и старобелорусский период активно функционирует *деловой язык*. Этим термином в историческом языкознании называют язык памятников юридической письменности, количество которых, по мнению исследователей, исчисляется десятками тысяч [9, с.111]. Деловой язык отражен в разнообразных по жанру и назначению документах, которые охватывали практически все стороны жизни. Они обслуживали нужды государственной переписки, судопроизводства, торговли, хозяйства, юридической практики. Отразившийся в них язык становится одной из значимых письменных традиций и выступает как автономный узус, имеющий свою стратегию [6, с.574]. Язык деловой письменности был тесно связан с живой речью и сыграл заметную роль в истории русского и белорусского литературных языков. По этой причине он может и должен быть рассмотрен с позиций исторической стилистики.

Термин «историческая стилистика» впервые употребил Г.О.Винокур в работе «О задачах истории языка» (1941). Он писал: «Перед нами новая проблема истории языка... Она составляет содержание лингвистической дисциплины – стилистики, поскольку речь идет об истории языка – исторической стилистики» [2, с. 222]. Таким образом, историческая стилистика как одно из направлений общей стилистики складывалось в рамках истории русского литературного языка.

К настоящему времени доказано, что история литературного языка и историческая стилистика – разные научные дисциплины, поскольку история русского языка изучает становление и развитие литературной нормы, в то время как историческая стилистика исследует не только историю стилистических средств языка, так и закономерности функционирования языка в различных сферах общения на разных исторических этапах его развития [8, с.418].

В исторической стилистике, как и в стилистике вообще, понятие стиля однозначного определения не имеет. Чаще всего стиль определяют как «общественно осознанную, исторически сложившуюся, объединенную определенным функциональным назначением, закрепленную традицией ...систему языковых единиц всех уровней и способов их отбора, сочетания и употребления» [8, с. 508]. Такое базовое определение стиля, восходящее к выводам В.В.Виноградова, стало основой для других трактовок термина *стиль*. Стиль

– это еще и общепринятая манера, обычный способ исполнения каких-либо конкретных речевых актов [8, с. 494] или, с другой стороны, стиль – это совокупность структурно-композиционных и языковых черт текстов определенного жанра [3, с. 2]. Нам представляется, что понимание стиля как совокупности композиционных и языковых способов организации текстов определенного жанра является наиболее приемлемым для анализа стилистических особенностей древнерусского языка, самостоятельных восточнославянских языков XV–XVII вв.

Объектом историко-стилистического анализа стали такие значимые старорусские тексты, как «Уложение 1649 года», тексты документов, помещенных в 3, 4, 5 томах издания «Памятников русского права» под редакцией Л.В. Черепнина (М., 1955–1959), тексты таможенных книг, актов различного назначения, всего более 40 наименований. Среди старобелорусских памятников делового содержания особое внимание было уделено анализу Вислицкого статута 1423–1438 гг., Статутов Великого княжества Литовского XVI в., изданию «Трибунала обователемь Великого княжества Литовского», Метрике Великого княжества Литовского и др.

Одним из важных направлений историко-стилистических исследований является анализ структурно-композиционных особенностей памятников деловой письменности. К настоящему времени выработан порядок такого анализа. Структурно-формулярный анализ, направленный на определение особенностей построения документа, порядка расположения составляющих его частей, характеристику их состава, включает следующие этапы: 1) прочтение документа; 2) определение предназначения текста, цели и условий его создания; 3) деление на части (клаузы) – законченные по мысли выражения, представленные простыми или сложными предложениями; 4) определение их количества, а также позиции в структуре документа (наличие в начальном протоколе *invocatio* (посвящение богу), *intitulatio* (обозначение адресанта), *inscriptio* (обозначение адресата), *salutatio* (приветствие); в основной части – *arenga* (преамбула), *promulgatio* (публичное объявление), *narratio* (изложение обстоятельств дела), *dispositio* (распоряжение по существу дела), *corroboratio* (свидетельство); в конечном протоколе (эсхатоколе) – *datum* (место и время создания акта), *subscriptio* (подпись), *перечень лиц, присутствующих при принятии или написании постановления*); 5) выявление общей схемы построения документа (указанные выше части образуют наиболее общую схему любого документа; номинация *общая схема* применяется к документам *определенного жанра*); 6) выявление отступлений от общей схемы документа, их возможное обоснование; 7) выделение в каждой части формул – конструкций, представленных словосочетаниями или предложениями, которым свойственны относительно устойчивая синтаксическая структура, постоянный словарный состав, повторяемость и возобновляемость; 8) определение моделей формул; 9) установление их базовых элементов; 10) выявление вариантов формул. Отметим, что в белорусском диахроническом языкознании исследования подобного типа пока единичны. Значительные

результаты имеются в русистике (работы О.В. Бараковой, С.С. Волкова, В.Я. Дерягина, Е.И. Зиновьевой, А.П. Майорова и др.).

Попытаемся продемонстрировать ход исследования на примере анализа “Книги записей” – старобелорусского сборника документов делового содержания [11]. Эта книга содержит привилеи, которыми как распорядительными документами правительственного происхождения назначались служащие на должности, утверждались и закреплялись права на владение территориями, имуществом и т.д. Рассматриваемые документы в “Книге записей”, являющейся книгой-копией конца XVI в., имеют самоназвания *привилей*, *листъ* и относятся к двум периодам – 1522–1542 гг., времени правления Жигимонта I, и 1551–1552 гг., времени правления Жигимонта II [5].

В общей схеме привилеев выделены такие композиционные части, как *intitulatio*, *promulgatio*, *narratio*, *dispositio*, *corrobaratio*, *datum*.

Intitulatio презентуется тремя формулами со следующими компонентами в форме Им. пад.: имя правителя: *Жикгимонтъ* (10); *Жикгимонтъ Август* (138); имя правителя + устойчивое выражение *Божью милостью*: *Жикгимонтъ Божью м(и)л(о)стью* (8); имя правителя + устойчивое выражение *Божью милостью* + название титула (сокращенное и полное): *Жикгимонтъ Божью м(и)л(о)стью, корол[ь]* (29); *Жикгимонтъ Август, Божью м(и)л(о)стью корол полский, великий кн(я)зь лит(о)вский, русский, пруский, жомойтский, мазовецкий и иньныхъ* (109). Выражение *Божью милостью* не имело связи с основным содержанием документа, оно акцентировало внимание на адресанте, подчеркивало его значимость. Известно, что употребление полного титула правителя получило фиксацию в документах канцелярии ВКЛ после брака великого князя Казимира с дочерью великого князя московского Еленой Ивановной и укреплением дипломатических отношений с Московским княжеством, в котором было принято полное официальное наименование правителя. Вариантность оформления титулатуры можно объяснить тем, что при переписывании документа в книгу-копию переписчик из-за известности титула пропускал одну/несколько его составляющих. Наше предположение, кстати, подтверждается обозначением адресанта в актах 1551–1552 гг.: *Жикгимонтъ Августъ и далей...* (140).

Promulgatio отличается структурным разнообразием. Полный вариант *Чинимъ знаменито [Чинимъ явно] симъ н(а)шимъ листомъ, хто на него посмотритъ або чтучи его услышитъ, нинешнимъ и напотомъ будучимъ, кому будетъ потребъ того ведати* (41) представляет собой сложноподчиненное предложение с двумя придаточными, в главной части которого базовыми элементами выступают фразеологизмы *чинити знаменито/ чинити явно* ‘приводить к сведению’. В результате трансформации этой конструкции, обусловленной уменьшением количества компонентов, явились трафареты, представленные 1) сложноподчиненным предложением с одной придаточной: *Чинимъ явно симъ н(а)шимъ листомъ нинешнимъ и напотомъ будучимъ, кому будетъ потребъ того ведати* (138);

2) простым предложением *Чинимъ явно [Чинимъ знаменито] симъ [тымъ] н(а)шимъ листомъ* (10), имеющем в ряде случаев соответствие *Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ* (1). Тенденцией к экономии времени составления документа, а возможно и бумаги, а также с учетом известности *promulgatio* обосновывается наличие конструкции *Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ и далее* (140).

Narratio привилеев состоит из двух частей. Первая содержит информацию о тех, кто обращался к правителю, о причине обращения и ее обосновании. Зачином этой клаузы выступает формула, в состав которой входят фразеологизм *бити чоломъ* (в форме 3-го лица ед./мн. ч. прошедшего времени) + название лица по должности, социальному статусу + имя, отчество, фамилия лица + глагол *поведити* (в форме 3-го лица ед./мн. ч. прошедшего времени) + местоимение *мы* в Тв. пад. с предлогом *передъ* + союз: *Биль намъ чоломъ маршалокъ нашъ, староста мстиславский, княз Василей Анъдреевичъ Полубенский и поведиль перед нами, што жъ которая дорога великая идетъ на именье его на Полюбичи* (15). Реже встречается оформление зачина посредством сложноподчиненных предложений типа *поведиль передъ нами о томъ, штожъ...* (29); *били намъ о томъ, што...* (131); *мовиль намъ о томъ, штожъ... и жедалъ насъ о то, абыхмо...* (61).

Вторая часть *narratio*, содержащая формулировку просьбы, представлена сложноподчиненным предложением с придаточной изъяснительной, связанной с главной частью союзами *жебыхмо, абы, абыхмо*; базовым элементом главной части является фразеологизм *бити чоломъ* ‘просить’: *биль намъ чоломъ княз Василей, абыхмо ему в томъ ласку н(а)шу вчинили, а за тую працу и трудност в тыхъ роботах мостовых прыдали ему мыта над тотъ полугрошокъ... по тры н(е)н(я)зи* (15).

Некоторые акты в *narratio* содержат только одну часть, которая в таком случае начинается сочетанием *бити чоломъ* ‘обращаться’ и глагола *просити*: *Биль намъ чоломъ пан Лев Семенович Чижъ и просил нас, абыхмо ему от нас в держанье дали дворы н(а)ши Ешишские и Вораны* (57).

Dispositio оформлялось посредством формул *зъ ласки наше г(о)с(по)д(а)рьское то вчинили; на чоломъбитье то вчинили; зъ ласки наше на чоломъбитье то вчинили*, после которых указывалось принятое решение. Вместо глагола *вчинити* могли функционировать глаголы *поставити, зоставити, вызволити, дозволити*, непосредственно связанные с просьбой адресата. Сравн.: *И били намъ чоломъ, абыхмо имъ плату н(а)шого, што они намъ в кождый год повинни были давати по тридцати копъ грошей, отъпустили – А такъ мы з ласки н(а)шого г(о)с(по)д(а)рьское... отпустили есмо тымъ подданымъ н(а)шимъ, мещаномъ новгородскимъ, того плату н(а)шого тридцать копъ грошей* (112).

Наблюдения показали, что часто при выдаче привилея на владение новой территорией, на замещение новой должности диспозиционная часть содержала в себе убедительные доказательства – как правило, ими являлись “верные и справедливые послуги”, которые кто-либо “добре и пожиточне оказываль”, – в пользу принятого решения.

Corroboratio привилеев наиболее часто находило реализацию через формулу, соотносящуюся с простым предложением, *на то дати листъ [сес нашъ листъ дозволенный/сес нашъ листъ] зъ нашою печатью [з н(а)шою привесистою печатью]*. Этот трафарет осложнялся за счет использования а) имени и фамилии адресата, б) этикетной формулы *его/ее милости*, в) личного местоимения в Дат. пад.: *на то даемъ Обдуле Абрагимовичу сес нашъ листъ дозволенный з н(а)шою печатью* (29); *на то даемъ ей м(и)л(о)сти сес нашъ листъ дозволенный з нашою печатью* (30); *на то дали есмо ему сес н(а)шъ листъ з н(а)шою привесистою печатью* (61).

Datum представлено формулой в составе пассивного причастия прошедшего времени от глагола *писати* + название населенного пункта + сочетание *подъ лето Божьего нароженья* + номер года + название месяца (в Род. пад.) + номер дня недели + единица старого церковнославянского летоисчисления, равная 15 годам (индиктъ): *П(и)сан у Вилни, под лет(о) Бож(ьего) нароженья 1541, м(е)с(я)ца октяб(ря), 21 ден(ь), индикта 15* (1). Сокращенная запись датировки – *П(и)сан у Вильни, лет(о) Бож(ьего) нарож(енья) 1552* (143); *П(и)сан у Вилни* (65) – встречается значительно реже.

В структуре некоторых привилеев выделяются также *invocatio*, *arenga*, *inscriptio*, *subscriptio*, перечень лиц, присутствующих при принятии или написании постановления.

Invocatio представлено формулой *Воймя Божье стансе*. Считается, что это выражение, своими истоками восходящее к религиозным текстам, в актах великокняжеской канцелярии возникло под влиянием западноевропейского делопроизводства. Ограниченность использования *invocatio* в рассмотренных текстах (47, 144, 154), очевидно, можно обосновать тем, что оно не было связано с основным содержанием акта, выступало свидетельством благих намерений адресанта.

Arenga являлась “декоративной” частью документа (47, 144, 154), а поэтому, возможно по мнению составителей, и ненужной, поскольку удерживала обобщенную мотивировку его написания, рассуждения философского характера, не относящиеся к практической стороне дела.

Inscriptio в начальном протоколе привилеев встречается sporadически; оно содержит формулу с компонентами в форме Дат. пад.: название лица по должности, социальному статусу + имя, отчество и фамилия лица: *Маршалъку н(а)шому, справцы воеводства Киевского, кн(я)зю Анъдърею Михайловичу Коширскому* (68). Отсутствие *inscriptio* компенсировалось обязательным указанием на адресата в заглавии и в *narratio* документов: *Привилей Марку Лавриновичу Унучку, тивуну ретовскому, на чотыри службы людей тяглых, а на три земли пустовскихъ Юшковщину, Яновщину а Бержанъщину... вечнымъ правом* (138); *Биль намъ челомъ тивун ретовский Марко Лавриновичъ Унучко и поведиль перед нами. Ижъ...* (138).

При обозначении лиц, присутствующих при принятии решения и его документальной фиксации, использовалась формула с базовым элементом *при томъ были*: *При томъ были панове рада Коруны Польское* (47, запись

обобщенная); *при томъ были панове рада н(а)ша: ихъ м(и)л(о)сть кн(я)зь Павел, бискупъ виленский, кн(я)зь Валериян, бискупъ луцкий и берестейский...* (154, запись полная).

Собственноручная подпись адресанта короля Жигимонта Августа (*subscriptio*) представлена примечанием *Подпис руки г(о)с(но)д(а)рьское* (154, 155), поскольку переписчик из-за этических соображений не позволил себе имитировать подпись правителя.

Как видно из экземпляфикации, одна клауза в рассмотренных привилеях может презентоваться несколькими формулами; свободой их использования характеризуется начальный и срединный блок документов, в то время как конечный протокол был более упорядоченным. Вариантность оформления структурных частей не должна быть объяснена, думается, малограмотностью, низким уровнем подготовки писарей, их недостаточной канцелярской выучкой. Актуализация той или иной формулы зависела от языкового вкуса составителя или переписчика документа, его желания упростить или, наоборот, усложнить текст, избежать повторов и тем самым показать выразительный потенциал языка, возможно сократить время написания документа или даже сэкономить бумагу. Более того, наличие нескольких формул не препятствовало точной передаче информации, ее соответствующему восприятию реципиентом.

Формулы, базовыми элементами которых являются, по определению О.В. Никитина, знаковые лексемы и сочетания делового языка (типа *чинити, бити чоломъ, при томъ быти*), имеют строго фиксированную позицию в тексте, характеризуются наличием функционального признака, т.е. они выступают в качестве маркеров границ той или иной части текста, обеспечивая композиционную стройность документа, последовательность изложения содержания.

Наблюдения показали, что в отношении структуры в рассмотренных документальных текстах двух периодов существенные отличия не выявляются: в состав композиции привилеев 1522–1542 гг. и 1551–1552 гг. входят следующие клаузы – *intitulatio, promulgatio, narratio, dispositio, corroboratio, datum*, что свидетельствует о показательной для них как текстах отдельного жанра структуре. Размещение клауз, их количество в документах в целом соответствует приведенной схеме (о наличии других структурных частей говорилось выше).

Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что существовали единые правила создания и оформления законодательных текстов *определенного жанра*, что в канцелярии ВКЛ существовал *деловой этикет*, т.е. комплекс представлений создателей документов о форме текста и свойственном для нее корпусе языковых средств, обеспечивающих соответствие акта цели его создания и сфере использования.

Обратимся к другому жанру деловой письменности – Надписи на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 года, представляющей собой древнерусский текст. Обычно надписи не относят к жанрам деловой письменности, но этот текст образцом деловой письменности является.

Текст начинается с традиционного указания на время создания акта (*Въ лето 6669*), изложения обстоятельств происшедшего (*покладаетъ офросинья чьстьныйи крестъ въ монастыри своемъ въ церкви стго спаса*) и краткого описания самого креста (*чьстьное древо бесценно есть, а кованье его золото и серебро и каменье и жьнчюгъ въ 100 гривнъ*). (По техническим причинам текстовые примеры мы приводим в упрощенной орфографии). По сути, приведенные части надписи можно считать тем, что в историко-стилистических исследованиях называется *datum* (место и время создания акта) и *narration* (изложение обстоятельств дела). Укажем, что автор надписи использует для именованя описываемого предмета словосочетания *чьстьныйи крест* и *чьстьное древо*, где *древно* может означать не только материал, из которого изготовлено изделие, но быть синонимом к слову *крест* [8, в. 4: 353].

Основная часть текста надписи, *disposition*, представляет собой императивную конструкцию, содержащую распоряжение о том, как должен храниться и использоваться крест. Автор говорит о том, что крест не должен выноситься из монастыря никогда, его нельзя продавать или отдавать; если же кто-то решит поступить по-другому, он будет наказан. Типичными являются построения с частицей *да* (*да не изнесетъ ся из монастыря; да не буди ему помощникъ чьстьныйи крестъ; да будетъ проклятъ святою животворящею троицею*), а также факты использования формы *буди* (*и буди ему часть съ шюдою; а буди ему клятва*).

Действительно, восходящие к праславянскому оптативу формы как нельзя лучше выражают мысли автора надписи о том, что происходящее в настоящем обращено в будущее: созданный крест обладает нравственной и материальной ценностью и должен служить монастырю, которому он пожалован. На связь настоящего с будущим напрямую указывает фраза: *аще кто преслушаетъ, изнесетъ и от монастыря, да нем будетъ ему помощникъ чьстьныйи крестъ ни въ съ векъ, ни въ будушии*.

Для основной части анализируемого текста характерно своеобразное противопоставление: перечисляется то, чего нельзя делать с крестом, затем указывается на то, что будет с тем, кто нарушил запрет (*и буди ему часть съ шюдою, иже преда христа; а буди ему клятва*). При этом довольно пространственные рассуждения о неизбежных наказаниях завершаются позитивным утверждением: *си офросинья же раба христова, стяжавшая крестъ сии, прииметъ вечную жизнь*. В приведенной фразе использовано действительное причастие прошедшего времени от глагола *стяжати*, одним из значений которого в древнерусском языке было 'дать средства на изготовление, сооружение чего-либо' [8, в. 28: 231]. Иллюстративные примеры в «Словаре русского языка XI – XVII» включают и приведенную цитату из анализируемой надписи.

Завершается надпись фразой, которая образует особую клаузу. Это обращение к Богу с просьбой о помощи: *господи, помози рабу своему Лазорю, нареченому Богши, съделавъшему крестъ сии црькви святаго спаса и Офросиньи*. Очевидно, что эта часть текста может быть рассмотрена как *invocatio*

(посвящение, обращение к богу) и *subscriptio* (подпись). Таким образом, в рассмотренном тексте достаточно отчетливо выделяются композиционные части, которые характерны для деловой письменности: *datum* (место и время создания акта), *narration* (изложение обстоятельств дела), *invocatio* (посвящение, обращение к богу) и *subscriptio* (подпись).

Подведем итоги. В исследованиях по исторической стилистике существенное значение имеет анализ структурно-композиционных особенностей древних текстов. Этот анализ позволяет установить, что тексты делового содержания имели определенную композицию, выработанную практикой делопроизводства и поддержанную длительной традицией использования. Следовательно, понимание стиля как совокупности композиционных и языковых способов организации текстов определенного жанра является наиболее приемлемым для анализа стилистических особенностей восточнославянских языков прошлых эпох.

Литература

1. Верещагин Е.М., Вомперский В.П. К дискуссии о предмете истории русского литературного языка старшей поры // Русистика сегодня: Функционирование языка: лексика и грамматика: Сб. ст. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз.; Редкол.: Ю.Н.Караулов (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1992. – С. 105-122.
2. Винокур, Г.О. О задачах истории языка // Г.О.Винокур / Избранные работы. – М., 1956.
3. Зуева О.В. Стиль эпистолярных текстов XI – XVII веков и его место в истории русского литературного языка. – Минск, 2009. – 25 с.
4. Иванов В.В., Сумникова Т.А., Панкратова Н.П. Хрестоматия по истории русского языка. – М., 1990. – 497 с.
5. Полешук Н.В. О деловом стиле старобелорусского языка // *Meninis tekstas: Suvokimas. Analis. Interpretacija*. – Nr. 5. – Vilnius, 2006. – S. 324–330.
6. Ремнева, М.Л. История русского литературного языка // М.Л. Ремнева. – М., 2003. – 348 с.
7. Словарь русского языка XI-XVII вв. / Гл. ред. Г.А. Богатова. – М., 1975-2000. – Вып. 1-24.
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. – 2 изд., исправ. и доп. – М., 2006.
9. Успенский, Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка // Б.А. Успенский. – М., 1994.
10. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 327 с.
11. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 28 (1522–1552). Кніга запісаў 28 / Падрыхтоўка тэкстаў да друку і навуковы апарат: В. Мянжынскі, У. Свяжынскі. – Мінск: АТННАЕUM, 2000. – 312 с.